

UDK 811.161.1'336.58

Яна Пенькова / Yana Penkova

Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова
amoena@inbox.ru

ИМУ, УЧЬНУ, СТАНУ, БУДУ:

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФРАЗ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

В работе впервые на материале старорусского корпуса Национального корпуса русского языка (RNC) предпринята попытка описать систему перифрастических конструкций с референцией к будущему (*иму + инф.*, *начьну/почьну + инф.*, *учьну + инф.*, *стану + инф.*, *буду + инф.*, *буду + л-форма*) и проследить ее эволюцию. Это позволило выявить различия в функционировании рассматриваемых конструкций, которые невозможно обнаружить традиционными филологическими методами. Показано, что ни одну из перифраз в русском языке XV–XVII вв. нельзя признать аналитическим будущим глаголов несовершенного вида. Установлено, что разрушение конструкции *буду + л-форма* осуществилось к сер. XVI в., с этого же времени начался процесс лексикализации вспомогательного глагола *будет* как условного союза.

Ключевые слова: аналитическое будущее, инхотативные глаголы, предбудущее (второе будущее), среднерусский язык, Национальный корпус русского языка

In this paper, I attempt to describe the system of Middle Russian future periphrastic constructions (*imu + inf.*, *učnu + inf.*, *stanu + inf.*, *budu + inf.*, *budu + l-form*) and to follow its evolution. The study was carried out based on material from the Middle Russian corpus of the Russian National Corpus (RNC). It enabled me to discover the functional differences between future periphrases, something that cannot be done using traditional philological methods. I argue that none of the Middle Russian constructions in question (from the fifteenth to the seventeenth century) can be regarded as an analytical imperfective future. According to the corpus data, the fall of the construction *budu + l-form* took place by the 1550s, from which time the former auxiliary *budet* began to evolve into a conditional conjunction.

Keywords: analytical future, inchoative verbs, future anterior, Middle Russian language, Russian National Corpus

0. Среднерусский период истории русского языка – время значительной перестройки видо-временной системы. Важными аспектами такой перестройки стало, с одной стороны, формирование аналитического будущего несовершенного вида, а с другой, утрата предбудущего времени.

На рубеже XIV–XV вв. в памятниках письменности встречается несколько конструкций, которые могли осуществлять референцию к будущему: *хочу + инф.*,

¹ Funding sources for this paper include Humboldt Foundation (Research Group Linkage Program “Digipaloslav”, www.digipaloslav.uni-freiburg.de).

начьну + инф., *почьну + инф.*, *иму + инф.* и *имамь + инф.* Как показали исследования И.С. Юрьевой [Юрьева 2009], в древнерусский период на роль грамматического будущего могла претендовать только конструкция *иму + инф.*, тогда как *хочу + инф.* выражала преимущественно значения желания, намерения и близкой возможности (проспективные), *начьну* и *почьну* с инфинитивом передавали фазовые значения, а конструкция с *имамь*, имевшая модальное значение, отсутствовала в живом древнерусском языке и употреблялась только в книжной письменности.

В среднерусский период перечисленные конструкции продолжают употребляться в памятниках, и к ним добавляются новые перифразы с референцией к будущему – новые «кандидаты» на роль аналитического будущего НСВ: инфинитивные конструкции с вспомогательными глаголами *учати* и *стати*. А к концу среднерусского периода с ними начинает конкурировать еще одна конструкция – *буду + инф.*, заимствованная из польского, вероятно, при западнорусском посредстве [Moser 1998].

В этот же период происходит также разрушение абсолютно-относительных времен – сверхсложного прошедшего (или т.н. русского плюсквамперфекта) и предбудущего времени. В результате синтаксического реанализа вспомогательный глагол *буду* переосмысливается как условный союз или модальная частица *будет*, *буде* (сверхсложное прошедшее становится источником другой частицы – *было*).

Цель настоящего исследования – определить, как функционировала и эволюционировала система конструкций с референцией к будущему в среднерусский период. Объектом исследования являются перифразы с вспомогательными инхоативами *иму*, *учьну*, *стану* и *буду* (последний – и в сочетании с инфинитивом, и с *л*-формой), поскольку именно эти конструкции могли претендовать на роль аналитического будущего НСВ. Данные о других конструкциях с инхоативами, осуществлявших референцию к будущему (*начьну/почьну + инф.*), а также данные о перифразе с *имамь*, без сопоставления с которой нельзя рассматривать *иму*-конструкции, при необходимости также привлекаются. Полностью за рамками исследования остается только конструкция *хочу + инф.*

Русский язык в среднерусский период выступает как яркий представитель северноевропейского ареала. Для языков, принадлежащих этому ареалу, характерно, с одной стороны, использование форм презенса для референции к будущему (по этой причине Э. Даль назвал его ареалом «без футурума» – «futureless area» [Dahl 2000]), а с другой – грамматикализованные конструкции со вспомогательными глаголами ‘стану’ или ‘начну’ [там же].

Среднерусская письменность на этом фоне выделяется очень большим количеством инхоативных конструкций, функционирующих в один и тот же период: *иму*, *начьну*, *почьну*, *учьну*, *стану* – можно говорить о пяти конструкциях с инхоативами в качестве вспомогательных глаголов. Как показано М.Н. Шевелевой, конструкции *иму + инф.* изначально имели не модальное, а начинательное значение (‘взять что-л. делать’ → ‘начать что-л. делать’) [Шевелева 2017]. Этимологически

буду также имеет носовой инфикс – показатель инцептивности [Кузнецов 2002], а полнознаменательный *буду* может употребляться как глагол совершенного вида. Однако в составе аналитического будущего, очевидно, представлен *буду*, омонимичный полнознаменательному перфективу и не являющийся инхоативом [Swan 2012]. Иная точка зрения представлена в [Whaley 2000], которая объясняет грамматикализацию конструкции *буду + инф.* в славянских языках тем, что *буду* как раз был переосмыслен как глагол с инхоативным значением и благодаря этому приобрел ту же сочетаемость с инфинитивом НСВ, которую имели прочие инхоативы.

Очевидно, сосуществование такого количества синонимичных конструкций может объясняться только тем, что между ними существовали различия, явные для использовавших их восточных славян. Эти различия мы и попытаемся выявить в настоящей работе.

Заявленные задачи удобнее всего решать на материале старорусского корпуса НКРЯ (RNC), содержащего более 7 млн. словоупотреблений. Применение количественных методов при исследовании конструкций с очень близкой семантикой и сходными функциями, каковыми являются перифразы *иму/учьну/стану/буду + инф.*, является, по-видимому, единственным способом, позволяющим увидеть системность в такого рода материале.

Работа состоит из двух частей: первая часть посвящена перифразам будущего, представляющим собой сочетания вспомогательного глагола и инфинитива; вторая часть – форме предбудущего времени *буду + л-РТСР*, которая в ряде других славянских языков (кайкавском наречии сербохорватского, польском, кашубском, западноукраинском, русинском, старобелорусском XVII в.) эволюционировала в будущее НСВ, а в словенском языке превратилась в аналитическое будущее, сохранив возможность сочетаться с глаголами обоих видов.

Перифразы с *иму* считаются яркой восточнославянской диалектной чертой, неизвестной другим славянским языкам за пределами восточнославянских [Andersen 2006]. Однако подобные конструкции с вспомогательным глаголом *fog* ‘взять’ уже с XIV в. употребляются в венгерском языке, в котором А. Золтан предполагает заимствование аналогичной конструкции из паннонских славянских диалектов [Золтан 1960]. Кроме того, на некоторые свидетельства существования таких конструкций в древнесербском также указывает Е. Кржижкова [1960, 127].

Модальные конструкции со вспомогательным глаголом *имамь*, широко представленные в ранней славянской письменности, имели значение неизбежности, неотвратимости какого-либо события или – реже – долженствования и, в отличие от перифраз с *иму*, были чужды живому древнерусскому языку и употреблялись только в книжной церковнославянской письменности, ср. аналогичную книжную маркированность *imam + infinitiv* в истории словенского языка [Orožen 1965, 616].

Вопрос о времени появления в русском языке конструкции *стану + инф.* является дискуссионным. Традиционная историческая грамматика предполагает, что *стати* в сочетании с инфинитивом появляется не ранее XV в. Иная точка зрения представлена в статье А.М. Молдована [Молдован 2010], в которой предполагается, что *стати* в сочетании с инфинитивом, известный не только русскому языку, но и ряду других славянских языков, – явление существенно более раннее, однако плохо задокументированное в памятниках.

В том же исследовании отмечается, что *учьну + инф.* является регионализмом в великорусской письменности: конструкция употребляется в среднерусских памятниках Севера и Центра примерно со 2-й половины XV в. до 2-й половины XVII в. Однако конструкции с *учьну* не были ограничены только великорусской территорией, но известны также в древнесербской письменности XIII–XIV вв. [Křížková 1960, 127, 137].

В [Andersen 2006] наличие нескольких конструкций с инхотативами в восточнославянских памятниках объясняется диалектными различиями в их употреблении: распространением в одних диалектах и отсутствием в других. Однако распределение между ними следует признать в не меньшей степени хронологическим и стилистическим. В [Молдован 2010] показаны стилистические различия между разными перифразами футурума: в текстах на стандартном церковнославянском до XVI в. в сочетаниях с инфинитивом преобладают *начати, хотѣти* и *имѣти*, в текстах на гибридном церковнославянском, в деловых и бытовых – *почати*. Однако ситуация в более поздних памятниках в работе не рассматривается, равно как и не ставится задача определить место конструкции *учати + инф.* в ряду других перифраз с инхотативами.

Конструкция *буду + инф.* фиксируется в среднерусской письменности существенно позднее, чем в других западно- и восточнославянских языках: в древнечешских и древнепольских источниках она известна уже с конца XIII в. Известна она и сербохорватским диалектам, однако южнославянский материал для наших целей непоказателен. Из польского языка эта конструкция заимствуется в староукраинский и старобелорусский, в которых употребляется с конца XIV в. С XV в. Московская Русь также начинает испытывать влияние польского языка и культуры. Первые примеры употребления конструкции *буду + инф.* в русской письменности относятся уже к XV в., однако они ограничены текстами, имеющими признаки интерференции с простой мовой [Мозер 1998]. В собственно русские тексты *буду + инф.* проникает не ранее XVII в.

1 Перифразы с референцией к будущему в среднерусской письменности (по данным Национального корпуса русского языка)

Рассмотрим несколько примеров из старорусского корпуса, содержащих обсуждаемые перифразы с инхотативами:

1. И тебя, ведь, на Дивѣя выменити не для кристьянства—на кристьянство: ты одинъ свободень будешь, да приѣхавъ, по своему увѣчью **лежать станешь**, а Дивѣй, приѣхавъ, **учнетъ воевати**, да неколко соть кристьянь лутчи тебя пленить. [Иван Грозный. Послание Василию Грязному (1574)];
2. А хто ся **имет ослушивати** сее моее грамоты, а **учнет** ся в тех селех и деревнях **ставити** сильно, и что на него протора взмечют, и яз то велю взять на нем вдвое без суда и без исправы. [Жалованная грамота кн. Юрия Ивановича митрополиту Даниилу на свободу от постоя и подвод для сел Игнатовского и Михайловского, в Вышгороде, Дмитровского у. (1526.02.11)];
3. Хотя мне о которых делех советники мои **отговаривати станут**, и яз их не **стану слушати**, а **буду делати**, что годно брату моему, а вашему государю. [Статейный список Ф. А. Писемского (Англия) (1582-1583)].

В (1) в одном контексте и в одной и той же синтаксической конструкции употребляются перифразы с *стану* и *учьну*, в (2) в одном ряду оказываются перифразы с *иму* и *учьну*, в (3) – с *стану* и *буду*. Очевидно, что такое сосуществование разных конструкций в однотипных контекстах не связано ни со стилистическими различиями между ними, ни с типом клаузы. Не демонстрируют контексты и явных семантических противопоставлений между перифразами.

Для того чтобы попытаться найти какую-то систему в таком на первый взгляд «безразличном» употреблении, посмотрим на эти конструкции в объемах всего старорусского корпуса. Определим, какова относительная количественная частотность (token frequency) перифраз с разными вспомогательными глаголами и какова их дистрибуция в различных типах клауз (clause type frequency).

1.2.1. частотность употреблений (token frequency)

Оговорим некоторые принципы при подсчетах, которыми мы руководствовались:

1. Частотность оценивалась отдельно для конструкций с вспомогательным глаголом в презенсе, которые осуществляют референцию к будущему, и для конструкций с вспомогательным глаголом в каком-либо из прошедших времен. Такое разграничение важно для перифраз с глаголами *учати*, *почати*, *стати*, и полученные результаты это убедительно доказывают (см. ниже);
2. Частотность конструкций с формой 3 л. мн.ч. *имуть*, относящейся одновременно к перифразам *иму* + *инф.* и *имамь* + *инф.*, также оценивалась отдельно;
3. Частотность конструкций сравнивалась по трем временным срезам: XV в., XVI в. и XVII в.;
4. Учитывалось не только абсолютное, но и относительное количество употреблений конструкции в тот или иной период – процентная доля этих употреблений среди всех рассматриваемых перифраз с референцией к будущему.

Результаты подсчетов представлены в таблице 1:

Таблица 1: Количественная и относительная частотность конструкций с инфинитивом

Вспомогательный глагол	XV в.	%	XVI в.	%	XVII в.	%
Иму (кроме 3 л. мн.ч.)	152	40 %	20	1.4 %	1	0.06 %
Имуть (только 3 л. мн.ч.)	48	12.6 %	41	2.9 %	43	2.5 %
Имамь (кроме 3 л. мн. ч.)	114	30 %	204	14.7 %	106	6.2 %
Почьну (PRS)	23	6 %	21	1.5 %	9	0.5 %
Почал- (PST)	105		167		172	
Начьну (PRS)	22	5.8 %	66	4.7 %	60	3.5 %
Нача (AOR.3SG)	333		872		271	
Стану (PRS)	0	0 %	57	4.1 %	221	14.9 %
Стал- (PST)	4		42		178	
Учьну (PRS)	21	5.5 %	964	69.4 %	1148	67 %
Учал-(PST)	4		135		158	
Буду	0	0 %	17	1.2 %	90	5.3 %
Всего с референцией к будущему	380	100 %	1390	100 %	1712	100 %

Данные таблицы красноречиво свидетельствуют о том, что *почьну + инф.* и *почал-* (PST) + *инф.* следует рассматривать как разные конструкции. То же справедливо для *учьну + инф.* и *учал-* (PST) + *инф.*

Для вспомогательного *почати* более грамматикализованы инфинитивные сочетания вспомогательного глагола в прошедшем времени (подсчитаны только примеры с формами вспомогательного глагола в 3 л. ед.ч аориста), что справедливо для *начати/почати* конструкций и в более ранний период [Юрьева 2017, 21]. Низкочастотные в презенсе *почьну/начьну + инф.*, очевидно, не следует рассматривать в числе кандидатов на роль аналитического будущего в средне-русский период.

Противоположная ситуация наблюдается для вспомогательного *учати*: конструкции с *учьну* в разы превосходят конструкции с *учал-*(PST)². *Учьну + инф.*

² Учитывались только случаи с вспомогательным глаголом в л-форме, так как *учати* не употребляется в памятниках в формах аориста или имперфекта – ввиду омонимии с некоторыми формами глагола *учити* и в целом не книжного статуса конструкции.

следует, с этой точки зрения, рассматривать в качестве главного претендента на роль аналитического будущего: частотность конструкции резко возрастает к XVI в. и в XVI–XVII вв. превосходит количественно все другие аналитические формы.

Как видно из таблицы, одновременно с выходом на авансцену конструкций с *учьну* происходит маргинализация конструкций с *иму*. В частотности книжных конструкций с *имамь* также наблюдается снижение, однако не такое резкое, как для конструкций с *иму*. На этом фоне легко понять, к какой из двух конструкций тяготеют формы *имуть* + *инф*. Очевидно, что в XV в. вспомогательный глагол в форме 3 л. ед. ч. *имуть* еще соотносится одновременно с обеими конструкциями, однако в XVI–XVII вв. он уже в гораздо большей степени ассоциируется с *имамь* + *инф*., о чем красноречиво свидетельствуют различия в частотности между *имуть* + *инф*. и формами других лиц, а также отсутствие резкого падения частотности, симметричного другим формам вспомогательного *иму*.

В отличие от конструкций с *почати* и *учати*, перифразы со *стати* не имеют таких значительных различий в частотности между разными формами времени вспомогательного глагола, хотя в текстах XVII в. конструкции с презенсом все же немного превосходят конструкции со *стал-* (PST).

Конструкция *буду* + *инф*. на фоне других имеет самую низкую частотность в XVI в. В XVII в. ситуация коренным образом не изменяется (фактически резкий скачок частотности фиксируется лишь в самом конце XVII в.), так что победа этой перифразы над *учьну* и *стану* происходит не ранее XVIII в. Любопытно, что уже в текстах XVIII в. конструкции с вспомогательным *стать* в прошедшем времени употребляются почти втрое чаще, чем в презенсе, уступив свои позиции перифразе *буду* + *инф*., которая становится примерно в пять раз частотнее, чем *стану* + *инф*. (295 и 1443 примеров с расстоянием в 1 шаг соответственно в корпусе текстов XVIII в.).

Таким образом, XV в. по характеру функционирования перифраз футурума еще в значительной степени примыкает к древнерусскому периоду, когда основной была конструкция с *иму*. В XVI–XVII вв. основными средствами выражения референции к будущему для глаголов НСВ становятся конструкции *учьну* + *инф*. как наиболее грамматикализованные и самые частотные: *учати* отличается от всех остальных инхотативов еще и тем, что вовсе не имеет полнозначительных употреблений вне сочетаний с инфинитивом.

Что касается тех же вспомогательных глаголов в конструкциях с **референцией к прошлому**, то здесь соотношение не такое, как в системе конструкций с вспомогательными глаголами в презенсе: в XV – XVI вв. основными служат сочетания с *начати* (посчитано только количество случаев употребления форм 3 л. ед. ч. аориста), в XVII в. *начати* остается самым частотным вспомогательным глаголом, но и возрастает доля конструкций с *учати* и – в особенности – *стати* + *инф*.

1.2.2. Синтаксические конструкции (clause type frequency)

Рассмотрим частотность перифраз с референцией к будущему в различных типах клауз. Формы 3 л. мн.ч. *имуть*, как и выше, рассматриваются отдельно от форм других лиц и чисел аналитических конструкций с вспомогательными *имамь* и *иму*. Поскольку разные конструкции имеют разную частотность в текстах, мы решили в данных подсчетах ограничиться примерно 200-ми случайно выбранных контекстов из памятников XV–XVII вв. Такое ограничение принято для тех конструкций, для которых общее число употреблений в памятниках выше 200 (для *учьну*, *имамь* и *стану*). Ориентир в 200 контекстов принят потому, что частотность конструкций с *иму* и *буду* располагается как раз в интервале от ста до двухсот употреблений. Результаты подсчетов приведены в таблице 2. Полуужирным выделены типы клауз, в которых рассматриваемые перифразы имеют высокую частотность – или в сравнении с другими типами употреблений той же перифразы, или в сравнении с другими рассматриваемыми перифразами. Проценты приведены по отношению к общему анализируемому объему употреблений той или иной перифразы.

Таблица 2: Частотность перифраз с референцией к будущему в различных типах клауз

	<i>Иму</i>	<i>Имуть</i>	<i>Имамь</i>	<i>Учьну</i>	<i>Стану</i>	<i>Буду</i>
Условный протасис	34 19.7 %	10 7.5 %	7 3.5 %	60 30.5 %	65 30 %	12 11.5 %
Придаточные времени	3 2 %	4 3 %	1 0.05 %	7 3.5 %	18 8 %	8 7.5 %
Относительные придаточные	130 75.5 %	32 24 %	8 4 %	116 59 %	50 23 %	19 18 %
Придаточные изъяснительные	0	13 10 %	9 4.5 %	1 0.5 %	0	5 5 %
Уступительные	0	0	0	1 0.5 %	8 3.6 %	0
Причины	0	8 6 %	20 10 %	0	1 0.4 %	1 1 %
Целевые с <i>да</i> (<i>не</i>)	0	2 1.5 %	3 1.5 %	1 0.5 %	0	4 4 %
Аподосис условных и соотносительных предложений	2 1.2 %	31 23.5 %	63 31 %	2 1 %	15 7 %	27 25 %
Вопросительные	1 0.6 %	3 2 %	26 13 %	0	5 2 %	3 3 %
Независимые клаузы	2 1.2 %	29 22 %	65 32 %	9 4.5 %	57 26 %	28 26 %
Всего	172 100 %	132 100 %	202 100 %	197 100 %	219 100 %	107 100 %

Данные таблицы показывают, что перифразами с самой широкой дистрибуцией были *имамь + инф.*, *стану + инф.* и в особенности *буду + инф.* *Имамь*-перифраза, как известно, ограничена только книжной сферой и употребляется преимущественно в независимых предложениях и в аподосисе условных конструкций. *Имамь + инф.* была также конструкцией, наиболее типичной для изъяснительных придаточных.

Иму-перифраза имеет узкую сферу употреблений: она специализировалась на условных и относительных придаточных. В остальных типах клауз ее употребления единичны.

Как было показано выше, *учьну*-конструкция хронологически сменяет *иму*-конструкцию. Это подтверждается и в сфере синтаксиса: *учьну + инф.* специализируется на тех же типах клауз, что и *иму + инф.* (условных и относительных придаточных) и маргинальна в независимых предложениях. Такая специализация на фоновых контекстах показывает, что *учьну + инф.* появилась именно как замена «старой» *иму*-конструкции, и обе перифразы можно назвать **неассертивным сложным будущим для фоновых контекстов** – аналогом «второго будущего» (*futur drugi*) в современном сербохорватском языке.

Стану-перифраза представлена примерно в равной степени широко в самых разных синтаксических типах предложений с небольшой тенденцией к специализации на условных, временных и относительных придаточных.

В ассертивных контекстах употреблялись наряду с книжной *имамь*-конструкцией, прежде всего, *стану*- и *буду*- перифразы. Обе перифразы в целом в XVII в. имеют все еще довольно низкую частотность, что не позволяет признать ни одну из них грамматикализованным будущим. Заметно, однако, как они постепенно вытесняют *имамь*-конструкцию: ее частотность снижается именно в XVII в. (см. таблицу 1 выше). Единственным существенным различием между *стану*- и *буду*-перифразами является то, что *стати* имеет возможность сочетаться с инфинитивом не только в презенсе, но и в прошедшем времени. Не обнаруживается и стилистических различий между *стану + инф.* и *буду + инф.*: обе перифразы представлены в корпусе и в деловых памятниках, и в летописях, и в исторических повестях, и в житиях.

Попробуем все же найти то, что различало *стану + инф.* и *буду + инф.* и тем самым воспрепятствовало первой занять место сложного будущего, уступив место *буду + инф.* Эта проблема уже затрагивалась в работе О. Свана, который приходит к выводу, что *буду* как наиболее «пустой», не имеющий никаких модально-фазовых оттенков вспомогательный глагол заменяет *стану* в сочетаниях с инфинитивами несовершенного вида: заимствуемая польско-рутенская модель как бы накладывается на великорусскую [Swan 2012].

На материале современного русского языка различия между *стану* и *буду* подробно исследованы в работах Н. Стойновой. Показано, что *стать*, в отличие

от *быть*, требует контекста с сильным инхоативным компонентом (акцентом на начальной фазе) и отчетливого контраста с настоящим. По этой причине *стану*, в отличие от *буду*, не употребляется с глаголами «постоянного отношения», в генерических контекстах и в общефактическом значении. Эти ограничения на употребление *стану + инф.* могут, однако, сниматься в отрицательных контекстах: ‘будет иметь место’ ≠ ‘начнется’; ‘не будет иметь места’ ≈ ‘не начнется’; – актуализуется контраст с моментом речи или с ожиданиями адресата [Стойнова 2016].

По-видимому, указанное выше во многом справедливо и для языка рассматриваемого периода, несмотря на то что *стати* имел в это время более широкую сочетаемость в сравнении с современным *стать*, он не употреблялся с предикатами постоянного отношения типа *подлежати, умѣти* (4–5) и в генерических контекстах (6–7), в которых возможна перифраза *буду + инф.*:

4. "Аще,—молвлю,—и добуду грецким умѣющаго, або латинским, но словенский **не будут умѣти**" [Андрей Курбский. Послание Марку Сарыхозину (1564-1583)];
5. аще іеромонахъ **подлежати будеть** изверженію, и того послати изъ монастыря ко архіерею [Грамота Птигирима, митрополита новгородского и великолуцкого, в Иверский монастырь о запрещении инокам и инокиням проживать у мирских людей и о надзоре за монастырским благочестием (1668)];
6. подобает вам, держащимся их, почитающим их, служащим их, огнем сожигати вместо себя, то сами **не будете горети в бесконечные веки**, да и zde примите благодать божию [Бельский летописец (1630-1635)];
7. Та лоза знаменует, иже из моего роду **будет** много государей, всяко же, аднако *завсегда* один **будет** другаго **перемогать**, яко та лоза указывает [История вкратце о Богеме (1650-1675)].

При этом нельзя не обратить внимание на тот факт, что все процитированные выше источники в той или иной степени связаны с западнорусскими территориями.

2. Перифраза *буду + л-ПТСР*

Формы предбудущего (второго будущего, сложного будущего II) представляют собой аналитическую конструкцию, возникшую еще в праславянском языке, которая образуется с помощью вспомогательного глагола от основы *буд-* в презенсе и *л-причастия* (ниже – *буду + л-ПТСР*³), ср.:

8. аще по моемъ ѿшествіи свѣта сего аще **буду Бу ѡугодиль и приаль ма будеть Бѣ**, то по моемъ ѿшествіи манастырь сѧ начнеть строити и прибывати [Повесть временных лет].

³ О самостоятельном употреблении л-форм см. [Скачедубова 2017].

Конструкция *буду + л-ПТСР*, некогда употреблявшаяся во всех славянских языках, имеющих раннюю письменность, засвидетельствована в русской письменности примерно до середины XVII в., ср. одно из последних употреблений в Пискаревском летописце (9) с *правильным* образованием в первой клаузе и *неправильным* во второй (аорист вместо *л*-формы), фактически воспроизводящее устойчивую формулу из более ранних текстов (10):

9. Аще ли же **буду** кого в опитимию **вложил** или невниманием или паки благословною [так!] виною, а [тот] не **будет поисках** разрешения [Пискаревский летописец (1600-1650)];
10. Аще ли же **буду** кого въ епитемью **вложил**, или невниманием, или паки и благословною виною, а не **будет поискал** разрѣшенья [Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка (1400-1450)].

Дальнейшая судьба этой конструкции была такова: в своей исконной функции в сочетании с совершенным и несовершенным видом ее сохранил только сербохорватский язык; в словенском эта перифраза сохранила свою сочетаемость с обоими видами, но эволюционировала в аналитическое будущее; такова же функция этой перифразы в польском и кашубском, однако сочетаемость конструкции ограничена только глаголами несовершенного вида; в великорусских, старобелорусских говорах и почти на всей украинской территории предбудущее было утрачено. Среди современных восточнославянских языков и диалектов форма, восходящая к праславянскому предбудущему, сохранилась только на самом западном крае восточнославянских говоров: в западноукраинском и в карпаторусинском (Лемковский диалект), превратившись в неретроспективное аналитическое будущее глаголов НСВ. При этом исконная ретроспективная функция, как и формы совершенного вида, в перечисленных идиомах утрачены – по-видимому, под влиянием польского языка, в котором такая эволюция произошла, очевидно, еще в дописьменную эпоху [Пенькова 2017, 2018] (ср., однако, иную точку зрения в [Whaley 2000]).

В связи с этими фактами возникает закономерный вопрос, почему польское и западнорусское влияние не способствовало превращению предбудущего в аналитическое будущее в великорусских говорах и литературном языке, в то время как другая перифраза с тем же вспомогательным глаголом *буду + инф*, заимствованная из польского через западнорусское посредство, легко утвердилась в русском языке как аналитическое будущее глаголов НСВ?

Перифраза *буду + л-ПТСР* в великорусских говорах послужила одним из источников союза и частицы *буде*. В старорусских памятниках уже в XV в. появляются первые свидетельства того, что конструкция подверглась синтаксическому реанализу: случаи рассогласования между вспомогательным глаголом и *л*-формой (11) и случаи употребления форм аориста или презенса в сочетании с *буду*, отражающие то, что предикативный центр целиком сместился на *л*-форму – фактически форму прошедшего времени (12):

11. И которые **будет** [вм.: будут] люди **разошлись** по иным местом ис тое деревни... и тем людем на пять лет не надобе им никоторая моя дань [великий князь Василий Васильевич. Жалованная несудимая и льготная грамота в. кн. Вас. Васильевича приписному Богородицкому Успенскому на Воинове горе м-рю на его владения в Аргуновской вол. Переясл. у. (1436)];
12. А и где **буду погрѣших** [вм.: погрешиль], отъ своего неразумиа... и о том отъ Господа Бога прошу прощения [Из Великих Миней Четъих митрополита Макария. Сентябрь. Летописец (1530-1554)].

Различные аспекты процесса деграмматикализации предбудущего подробно рассматриваются в [Andersen 2006 a], [Пенькова 2012]. Согласно [Andersen 2006 a], с XV в. предбудущее становится малоупотребительным и окончательно прекращает существовать к середине XVI в. Некоторые из его выводов уточнены в [Пенькова 2012]. В частности, показано, что в XV в. наблюдается не сокращение, а, напротив, рост частотности *буду* + л-PTCP в деловой письменности Центра.

Несмотря на довольно подробную изученность вопроса о происхождении условного союза *буде*⁴, динамика этого процесса в перечисленных исследованиях рассматривалась на ограниченном материале памятников, тогда как имеющиеся в настоящее время ресурсы старорусского модуля в рамках Национального корпуса русского языка позволяют верифицировать эти выводы и внести необходимые корректировки, исследовав этот процесс на большом объеме памятников различной жанровой принадлежности и временной локализации.

2.2. Предбудущее в среднерусской письменности

Старорусский корпус в объеме текстов XV–XVI вв. включает примерно 4 млн. употреблений, что позволяет опираться на достаточно надежную и убедительную статистику. Поскольку объем корпуса текстов XV в. в три раза меньше корпуса XVI в. (примерно 1 млн. и 3 млн. словоупотреблений соответственно), принято решение вести подсчет по памятникам XV в. в целом в сопоставлении с данными первой и второй половины XVI в. отдельно. Результаты показывают обоснованность такого подхода: тексты первой и второй половины XVI века демонстрируют существенное расхождение в частотности рассматриваемых конструкций. Материал XVII в. исключен из рассмотрения потому, что основные изменения в функционировании рассматриваемой конструкции происходят именно в XV–XVI вв.

Решено также отдельно подсчитывать употребления предбудущего в форме 3 л. ед.ч. и всех прочих лиц, поскольку именно форма 3 л. ед.ч. вспомогательного глагола послужила источником для условного союза *будет* и является, таким образом, непоказательной. Иными словами, встречая в среднерусских памятниках XV–XVI вв. форму типа *будеть поималъ* по отношению к третьему лицу, мы не

⁴ М.Н. Шевелева возводит условный *будет* к т.н. вводящему *будет* при сентенциальном актанте (см. Шевелева 2008).

можем судить наверняка о грамматическом статусе *будеть*. Показательны только формы первого-второго лиц обоих чисел, а также 3 л. мн. ч., сохраняющие согласование или, напротив, утратившие таковое. Для сравнения мы также приводим данные об употреблении форм *будеть* и *буде* в контексте с презенсом. *Буде* может представлять собой как архаизм, так и инновацию. С одной стороны, еще в древнерусской письменности известен т.н. «нулевой презенс», восходящий к древнему иньбюнктиву, присоединявшему вторичные окончания. С другой стороны, *буде* может быть дальнейшей ступенью грамматикализации *будеть*, на которой изменения затронули уже не только значение и функцию, но и фонетический облик слова (ср. фонетическую редукцию в другом условном союзе – *естьли* → *если*). Данные старорусского корпуса позволяют однозначно установить, что перед нами: нулевой презенс или фонетическая редукция (см. об этом ниже).

Ниже в таблице приведены результаты подсчетов употреблений конструкций *буду* + л-PTCP, *будеть* + PRS и *буде* + PRS/л-форма в старорусской письменности. После знака «/» приведено общее количество примеров в тот или иной период:

Таблица 3: Предбудущее и производные конструкции в старорусских памятниках XV–XVI вв.

Тип конструкции	XV в.	1 пол. XVI в.	2 пол. XVI в.
<i>Буду</i> + л-PTCP (кроме 3 л. ед. ч.): с правильным согласованием	55/102	4	4/41
<i>будеть</i> + л-PTCP (только формы 3 л. ед. ч.).	41 /102	4	28/41
<i>Буду</i> + л-PTCP (кроме 3 л. ед. ч.): согласование нарушено	6 /102	3	19/41
<i>Будеть</i> + PRS	4	12	189
<i>Буде</i> + PRS/л-PTCP	0	0	10

Полученные данные позволяют заключить, что XV в. во многом еще при- мыкает к древнерусскому периоду (ср. также выше наблюдение относительно перифраз с инфинитивом), так как конструкция *буду* + л-PTCP в этот период сохраняет согласование в 90 % релевантных случаев (55 из 61), из числа которых, по указанным выше соображениям, исключены формы 3 л. ед. ч. (102 – общее число употреблений включая формы 3 л. ед.ч.). Напротив, согласование утрачено только в 10 % случаев. Конструкции *будеть* + PRS в это время единичны: только один пример в текстах 1-й половины XV в. (с формой 1-го, а не 3-го лица) и три в памятниках второй половины XV в., ср.:

13. Аще паки, господине, **буду** священнаа или святаа церковнаа **краду**... да постыжусь. [инок Троице-Сергиева монастыря Симон. Формулярный извод исповедной грамоты инока Троице-Сергиева монастыря Симона к его духовному отцу некоему священноиноку (1492)].

Таким образом, в текстах XV в. примеры типа *будеть поималъ* еще можно считать единой конструкцией – предбудущим в форме 3 л. ед.ч., а *будеть* – вспомогательным глаголом.

В первой половине XVI в. частотность конструкции существенно снижается, а случаев употребления *будеть* в контексте с формами презенса становится больше, однако по-прежнему очень мало для того, чтобы признать *будеть/буде* условным союзом. Условный союз, очевидно, должен иметь частотность, сопоставимую с другими единицами подобного уровня: к примеру, союз *если/естли* в текстах XVII в. употребляется 109 раз. Общее число употреблений *будеть*, даже если мы прибавим к ним контексты с нарушенным согласованием и непоказательные контексты с формами 3 л. ед. ч., все равно будет во много раз ниже, чем у *если/естли*.

Частотность, сопоставимую с новым союзом *если, будеть/буде* демонстрирует уже во второй половине XVI в. В этот период картина снова существенно изменяется: примеров с верным согласованием между вспомогательным глаголом и *л-формой* всего 4, что составляет примерно 17 % от контекстов, релевантных в этом отношении.

Таким образом, со второй половины XVI в. *будеть поималъ* следует рассматривать уже не как единую конструкцию, а, скорее, как сериальную конструкцию или как употребления условного союза или модальной частицы *будет/буде* с формой прошедшего на *л-*. Время утраты конструкции *буду* + *л-PTCP*, таким образом, – первая половина XVI в.

Данные таблицы об употреблении *буде*, судя по всему, свидетельствуют о том, что мы имеем дело вовсе не с нулевым презенсом, а с дальнейшей грамматикализацией *будеть*, при которой вслед за семантическими и функциональными изменениями происходит фонетическая редукция. Так, в текстах XV в. – первой половины XVI в. не встретилось ни одного случая с *буде* в конструкции с *л-формой* или формой презенса, тогда как во второй половине XVI в. таких примеров уже 10.

Выводы⁵

Корпусное исследование позволило выявить различия в функционировании системы конструкций с референцией к будущему в среднерусской письменности, которые невозможно обнаружить традиционными филологическими методами.

⁵ Автор сердечно благодарит Младена Ухлика за помощь в переводе аннотации на словенский язык и другие ценные замечания к статье.

Полученные результаты имеют и практическое значение: они могут быть использованы при морфологическом аннотировании старорусского корпуса RNC.

Во-первых, выявлены различия в количественной частотности. В XV в. численно преобладает конструкция с вспомогательным *иму*, тогда как в XVI–XVII вв. резко преобладает конструкция с вспомогательным *учьну*, а перифраза с *иму* уходит на периферию достаточно рано. Наследницей *иму*-конструкции является перифраза *учьну + инф.*, которая замещает *иму*-конструкцию во всех ее типах употребления. *Учьну*, заменяя *иму*, наследует и его стилистическую маркированность, что, по-видимому, и является причиной маргинализации *учьну* в языке XVIII в. Форма 3 л. мн. ч. *имуть* уже с XVI в. функционирует в основном как форма вспомогательного глагола *имѣти*.

Ни одна конструкция с инхоативами из рассмотренных нами не может быть признана аналитическим будущим глаголов НСВ в среднерусский период. Конструкции с *стану* и *буду*, в этот период обладающие самой широкой дистрибуцией, все же достаточно слабо грамматикализованы, в отличие от *учьну + инф.*, которая обладает очень высокой количественной частотностью, но узкой дистрибуцией. Эту конструкцию можно было бы признать формой аналитического будущего только для неассертивных контекстов (условных и относительных клауз), т.е. аналогом различным формам второго будущего в сербохорватском литературном языке и в диалектах.

Данные нашего анализа едва ли подтверждают выводы О. Свана [Swan 2012] о том, что аналитическое будущее НСВ уже сформировалось в среднерусский период, и в дальнейшем произошла лишь замена вспомогательного глагола *стану* на *буду*. В среднерусский период русский язык, судя по всему, еще не имеет аналитического будущего для глаголов НСВ.

Очевидно, конструкция *буду + л-PTCP* не могла претендовать на роль будущего времени, поскольку широкое распространение перифразы *буду + инф.* происходило тогда, когда формы предбудущего времени в русском языке уже не существовало, в отличие от ряда других славянских языков, в которых, видимо, именно конкуренция и контекстная синонимия между *буду + л-PTCP* и *буду + инф.* привела к утрате ретроспективного компонента в семантике предбудущего и к вытеснению форм СВ (см. об этом [Пенькова 2018]).

Источники и литература

- RNC – Russian national corpus. В сети.
 Hening ANDERSEN, 2006: Future and future perfect in the Old Novgorod dialect. *Russian Linguistics* 30 No. 1. 71–80.

- Hening ANDERSEN, 2006 a: Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. *Change in verbal systems. Issues in explanation*. Ed. K. Eksell, T. Vinther. Bern: Peter Lang.
- Östen DAHL, 2000: The grammar of future time reference in European languages. Tense and Aspect in the Languages of Europe. Ed. Ö. Dahl. Berlin / New York: Mouton de Gruyter. 309–328.
- Helena KRÍŽKOVÁ, 1960: *Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Michael MOSER, 1998: *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt/Main etc.: Peter Lang. 303–330.
- Martina OROŽEN, 1965: *Zgodovinski razvoj futuralnih in modalnih gramatičnih oblik v knjižni slovenščini od 16. do 19. Stoletja. Doktorska disertacija*. Ljubljana.
- Oscar E. SWAN, 2012: Why budu? *Russian Linguistics* 36. 305–318.
- M.L. WHALEY, 2000: *The evolution of the Slavic <BE(COME)>-type compound future*. PhD Dissertation. The Ohio State University.
- Андраш Золтан, 2018: Венгерское сложное будущее в славянском контексте. *Восьмые Римские Кирилло-Методиевские чтения. Материалы конференции. (Рим – Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.)*. Ред. Н. Запольская, М. Обижаева. Москва: Индрик. 65–70.
- [Andraš ZOLTAN, 2018: Vengerskoe složnoe buduščee v slavjanskom kontekste. *Vos'mye Rimskie Kirillo-Mefodievskie čtenija. Materialy konferencii. (Rim – Florencija, 5–10 fevralja 2018 g.)*. Red. N. Zapol'skaya, M. Obižaeva. Moskva: Indrik. 65–70.]
- Петр С. Кузнецов, 2002: *Очерки по морфологии праславянского языка*. Москва: УРСС.
- [Petr S. KUZNECOV, 2002: *Očerki po morfologii praslavjanskogo jazyka*. Moskva: URSS.]
- Александр М. Молдован, 2010: К истории фазового глагола статья в русском языке. *Русский язык в научном освещении* 19/1. 5–17.
- [Aleksandr M. MOLDOVAN, 2010: K istorii fazovogo glagola stat' v ruskom jazyke. *Russkij jazyk v naučnom osveščeenii* 19/1. 5–17.]
- Яна А. Пенькова, 2012: *Финитные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- [Yana A. PEN'KOVA, 2012: *Finitnye obrazovaniya ot osnovy bud- v jazyke pamyatnikov russkoj pis'mennosti XII – pervoj poloviny XVI vv. (morfologija, semantika, sintaksis)*. Diss... kand. filol. nauk. Moskva.]
- Яна А. Пенькова, 2017: К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции. *Die Welt Der Slaven* 62/22. 247–276.
- [Yana A. PEN'KOVA, 2017: K istorii slavjanskogo vtorogo buduščego: puti semantičeskoj evoljucii. *Die Welt Der Slaven* 62/2. 247–76.]
- Яна А. Пенькова, 2018: Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция. *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов*. Белград, 2018. Доклады российской делегации. Москва: Институт славяноведения РАН. 225–43.

- [Yana A. PEN'KOVA, 2018: Slavjanskoje vtoroje buduščee: semantika, strukturnye osobennosti i evoljucija. *Slavjanskoje jazykoznanie*. XVI Meždunarodnyj s''ezd slavistov. Belgrad, 2018. Doklady rossijskoj delegacii. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN. 225–43.]
- Мария В. Скачедубова, 2017. К интерпретации случаев употребления -л- формы без связи (на материале Ипатьевской летописи). *Slavistična revija* 65/1. 115–25.
- [Mariya V. SKAČEDUBOVA, 2017. К interpretaciji slučajev upotreblenija -l- formy bez svjazki (na materiale Ipatjevskoj letopisi. *Slavistična revija* 65/1. 115–25.]
- Наталья М. Стойнова, 2016: *Аналитическая конструкция будущего времени: На правах рукописи*. Москва.
- [Natal'ya M. STOJNOVA, 2016: *Analitičeskaja konstrukcija buduščego vremeni: Na pravah rukopisi*. Moskva.
- Мария Н. Шевелева, 2008: О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология* 6. 34–57.
- [Mariya N. SHEVELEVA, 2008: О sud'be drevnerusskih konstrukcij s nezavisimymi formami glagola byti v rusском jazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologija 6. 34–57.]
- Мария Н. Шевелева, 2017: К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах. *Русский язык в научном освещении* 2/34. 194–218.
- [Mariya N. ŠEVELEVA, 2017: К probleme grammatičeskoj semantiki konstrukcij tipa *imat' byti* vs. *hočet' byti* v rannih vostočnoslavjanskijh tekstah. *Russkij jazyk v naučnom osveščeenii* 2/34. 194–218.]
- Ирина С. Юрьева, 2009: *Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII-XV вв.* Дисс.... канд. филол. наук. Москва.
- [Irina S. JUR'eva, 2009: *Semantika glagolov imrēti, hotrēti, načati (počati) v sočetaniyah s infinitivom v jazyke drevnerusskih pamjatnikov XII-XV vv.* Diss... kand. filol. nauk. Moskva.]
- Ирина С. Юрьева, 2017: Грамматические особенности текста Киевской летописи. Предисловие. *Киевская летопись*. Изд. подгот. И.С. Юрьева. М.: Издательский Дом ЯСК. 15–24.
- [Irina S. JUR'eva, 2017: Grammatičeskie osobennosti teksta Kievskoj letopisi. Predislovie. *Kievskaja letopis'*. Izd. podgot. I.S. Jur'eva. M.: Izdatel'skij Dom JaSK. 15–24.]

POVZETEK

Prispevek opisuje sistem zloženih glagolskih oblik za prihodnjik in njihov razvoj v zgodovini ruskega slovstva med 15. in 17. stoletjem («srednjersko obdobje»). Osredotočamo se predvsem na zgradbe z nepolnopomensko rabljenimi glagoli z inkohativnim pomenom, ki se povezujejo z nedovršnimi nedoločniki: *иму* 'vzamem/jamem' + INF, *начьну/почьну* 'začnem' + INF, *учьну* 'začnem' + INF, *стану* 'postanem, začnem' + INF, *буду* 'bom' + INF. Poleg tega zaradi primerjave navajamo tudi podatke o rabi knjižne zgradbe *имамь* 'imam' + INF.

Raziskava se opira na gradivo staroruskega korpusa, ki je del Nacionalnega korpusa ruskega jezika. Tak način omogoča širši uvid v razlike med funkcioniranjem prihodnjiških konstrukcij, kot ga lahko sicer ponujajo tradicionalne filološke metode. Izkazalo se je, da nobene izmed naštetih zloženih glagolskih oblik (*уму + INF*, *начьну/почьну + INF*, *учьну + INF*, *стану + INF*, *бьдѹ + INF*) v ruskem jeziku med 15. in 17. stoletjem, kljub tradicionalnemu mnenju, ni mogoče obravnavati kot analitične prihodnjike nedovršnikov. Zgradba *уму + INF* je do 16. stoletja izginila iz rabe. Od začetka 16. stoletja je opazen izrazit porast rabe »nove« zložene oblike *учьну + INF*, ki je zamenjala zgradbo z *уму* in je prevzela vse značilnosti njene rabe.

Zgradbe z *учьну* so bile sicer v rabi zelo razširjene, vendar jih kot oblike analitičnega prihodnjika lahko obravnavamo le v netrdilnih kontekstih (pogojnih in oziralnih odvisnih stavkih) oz. tistih kontekstih, ki funkcionalno ustrezajo različnim oblikam drugega prihodnjika (predprihodnjika) v knjižni srbohrvaščini in štokavskih narečjih. Zgradbe s pomožnikoma *стану* in *бьдѹ*, ki so bile med 15. in 17. stoletjem najbolj razširjene, se takrat še niso povsem gramatikalizirale.

Ugotavljamo tudi, da se je zgradba predprihodnjika, sestavljenega iz *бьдѹ* pomožnika + *l*-deležnika prenehala uporabljati sredi 16. st.– od takrat se je pomožnik *бьдем* leksikaliziral kot pogojni veznik. Zgradba *бьдѹ + l*-deležnik v srednjeruskem obdobju tudi ni mogla prevzeti vloge prihodnjika, kot se je to zgodilo v drugih slovanskih jezikih, pri katerih je konkurenca med zgradbami s pomožnikom 'biti' + *l*-deležnikom in 'biti' + *INF* pripeljala do izgube pomena preddobnosti v prihodnosti in posledično do funkcionalnega prekrivanja obeh zgradb. V zgodovini ruskega jezika se je zgradba *бьдѹ + INF* pojavila in razširila šele takrat, ko se predprihodnjik že ni več uporabljal.